

дельных литературных жанров или в пределах одного жанра — его разновидности» (стр. 117). В доказательство А. А. Назаревский ссылается на тот факт, что «нередко произведения одного и того же жанра в наших старых рукописях носят различные названия, а произведения различных жанров имеют одно и то же наименование». А. А. Назаревский приводит ряд примеров такого «жанрового смешения заглавий» (стр. 117—118). Смешение заглавий, действительно, встречалось у нас в старину, и соответствующие факты были приведены и мною. Но они не опровергают моей точки зрения, как не доказывают и точки зрения А. А. Назаревского. Одно указание на неустойчивость номенклатуры жанровых определений у древнерусских книжников и писцов, порою малограмотных, недостаточно, чтобы отрицать столь уверенно, как это делает А. А. Назаревский, известную обособленность жанров в древнерусской литературе. Жанровая природа произведения не может быть определена только по заглавию. Данное автором или переписчиком заглавие нуждается в проверке на материале произведения в целом, в единстве его содержания и художественной формы. Проверка эта может или подтвердить правильность данного определения или опровергнуть его. Повесть, даже в том случае, если она, допустим, озаглавлена «словом», все же останется повестью и ничем иным быть не может, равно как и «слово», если оно в рукописи и называется как-нибудь иначе или вообще никак не называется, все же будет «словом», а не повестью, не житием и пр. Вопрос о том, были или не были устойчивы жанры в древнерусской литературе, одной ссылкой на «жанровое смешение заглавий» решить нельзя. Вопрос требует дальнейшего изучения. Пока же имеют право на сосуществование обе точки зрения, и А. А. Назаревского и моя. Будущее покажет, кто из нас ближе к истине. Что касается «Слова о полку Игореве», то свое определение его жанровой природы я отнюдь не строил только на той терминологии, какой пользуется автор, характеризуя свое произведение. Отталкиваясь от этой терминологии («слово», «песнь», «повесть»), я затем проверял ее на материале «Слова» в целом. Таков во всяком случае у меня путь исследования в статье 1950 года.

По убеждению А. А. Назаревского, «Слово о полку Игореве» уже по одному тому не может рассматриваться как произведение одножанровое, что всякое гениальное художественное произведение всегда, как правило, ломает жанровые рамки и каноны своего времени (стр. 142). Во второй своей части это положение, высказанное в столь общей форме, несомненно правильно. Не будь этой «ломки», в искусстве не было бы движения. Однако всякая «ломка» предполагает то, что этой «ломке» подлежит. На пустом месте ничего сломать нельзя. Ломаю одни жанровые рамки и каноны, крупный художник взамен их создает другие. В результате возникают, в процессе исторического развития литературы, все новые и новые разновидности и типы одного и того же жанра или даже жанровые новообразования. Это непрерывное обновление жанров — одна из форм поступательного движения искусства. Нет сомнения, что «Слово о полку Игореве» во многом отступает от существовавшей в XII веке «нормы», традиции. В чем именно отступает, — на этот вопрос, однако, ответить труднее, чем кажется. Это особый вопрос, заслуживающий специального исследования. Решение его предполагает внимательное сравнение «Слова» с однотипными ему произведениями. Но, как известно, для такого сравнения материала у нас очень мало. Древнерусское церковное красноречие XI—XII веков — материал недостаточный: оно имеет свои специфические особенности и во многом существенно отличается от «Слова» как по содержанию, так и по форме. Кстати сказать, А. А. Назаревский напрасно обви-